

Сергей МОРОЗ

Композиционные и стилистические особенности поэзии Александра Раткевича

(«ПЯТЕРИЦА». Изборник. 1977—1995. Полоцк, 1995)

Вступление

Композиционные и стилистические особенности поэзии А. Раткевича, прежде всего, необходимо рассматривать с позиции катарсизма – литературного направления, провозглашённого автором в 1989 году, пока мало изученного, но существующего в подсознании большинства творчески активных людей со времён Аристотеля и Платона. Катарсис – понятие, употреблявшееся в античной философии, медицине, эстетике и в силу своей полифункциональности получившее (от Возрождения до нового времени) многочисленные и противоречивые толкования:

1. Рационалистический – очищение души от страстей под влиянием интеллекта.
2. Этический – воспитание способности к состраданию.
3. Медицинский – достижение психотерапевтической разрядки.

Аристотель применил понятие катарсиса к трагедии как литературному жанру: «Трагедия есть подражание действию важному и законченному... , совершающее путём сострадания и страха очищение подобных аффектов («Поэтика». М., 1983, т. IV, гл. VI, 1449в).

Позднейшая эстетика придала понятию катарсис расширительную трактовку, связав его с характеристикой трагического в искусстве вообще. В современной филологии катарсис понимается как особая, нередко высшая форма трагизма, когда воплощение трагического конфликта (и сопутствующее ему потрясение) не подавляет своей безысходностью, а производит на читателя просветляющее «разрешающее» действие...

Катарсизм, как литературное направление, по определению А. Раткевича, есть преодоление мёртвоутверждающих пафоса, являющегося душой произведения, и этоса, являющегося характером произведения, и очистительное движение к жизнеутверждающим идеям путём трагедизации характера, эмпатизации пафоса и обновления поэтического языка произведения. «Это возвращение к точности и системности, так как:
а) поэзия предполагает большую точность, чем математика;
б) «поэтический элемент – в периодической системе поэзии» (Б. Пастернак. М., 1992, т. 4, с. 363).

Есть единственный смущающий меня момент в тезисах А. Раткевича. Нужно быть гением, чтобы технический, математически точный уровень стихотворения соответствовал законам внутренней, ещё более точной, гармонии творческого порыва – вдохновения. Соглашусь лишь с тем, что рождение нового гения без багажа хотя бы элементарных знаний

практически невозможно в наши дни.

Для изучения данной проблемы я выбрал сборник стихотворений А. Раткевича «Пятерица».

Композиционные особенности сборника «Пятерица»

В рамках профессионализации поэзии (один из тезисов А. Раткевича) – «Возвращение ей системности, точности и красоты», то есть – обобщённо – гармонии («чувство соразмерности и сообразности», А. Пушкин) сборник стихотворений «Пятерица» только на первый взгляд может показаться противоречивым по своему строению. Вбирая в себя лучшие стихотворения из пяти циклов, изданных отдельными книгами, «Пятерица» «...не является итогом творчества, а представляет собой определённый этап проверки на поэтическую прочность» (А. Раткевич. «Пятерица», с.4). Автор скорее осознанно, нежели стихийно, разбивает стихотворения двенадцати книг на два раздела, составляющие 12 циклов, которые соответствуют двенадцатимесячному делению календарного года. Он разбивает их не симметрично – на «6+6 циклов», а асимметрично: первый сборник «Пятерица» состоит из пяти циклов, а предполагаемый второй – «Семерица» – из семи. С позиции катарсической точности уже наблюдается алогизация в построении циклов, зато с позиции поэтической мистификации, посредством символики цифр (и как системы знаков, и как благозвучности названия – не две «Шестерицы»), автор выбирает наиболее значимые точки зрения магических представлений «5» и «7», часто несущие в себе магически положительную энергетику («предудачливость»).

Прежде чем рассмотреть композиционные особенности сборника «Пятерица», хочу отметить, что катарсизм А. Раткевича основан на одном из лучших качеств катарсиса: «не подавляет своей безысходностью, а производит просветляющее действие», естественно, претерпевая при этом все стадии развития трагического конфликта..., но с позиции общего настроения, лишь в кульминационный момент трагическое одерживает иллюзорную победу над внутренними покоем и гармонией. Это связано с тем, что автор с позиции физической поэтической зрелости взглянул на прежние душевные искания. Таким кульминационным, пиковым в сборнике «Пятерица» является стихотворение «Межень»:

Я помню музу с малолетства...
...Я помню вздрог, который губы
мои неимоверно сжал,
и плоть воды нежнее шубы,
и брызг безумствующий шквал,
и музу в сумерках грядущих,
и, как в светящемся венце,
испуг в её глазах цветущих,
и состраданье на лице. (С.48,49)

Это пример катарсической вершины. Теперь позволю себе ещё несколько цитат, чтобы подчеркнуть композиционную строгость, продуманность и логическую завершённость данного сборника.

Меня, конечно, можно обмануть,
заставить верить в слабость тела,
в глаза мои по-вражески взглянуть,
оклеветать остервенело,
схватить за пальцы, их сломать,
лицо проклятием утюжить,
отнять любовь, ребёнка, мать
и слово, но – не обездушить. (С.11)

Это стихотворение – яркий пример рационалистического толкования катарсиса (очищение души от страстей под влиянием интеллекта). Именно это стихотворение открывает сборник и цикл, служит своеобразной отправной точкой и началом катарсического действия в рамках всего сборника.

Упомянутое несколько выше стихотворение «Межень» служит примером этического толкования катарсиса, является связующим звеном между попаданием вируса и моментом исцеления, но если сравнить введение данного стихотворения в цикл с момента приёма лекарств, то его можно отнести к разряду ядов, где приём внутрь – крайняя мера (и только по рецепту врача), ведущая к достижению цели.

С позиции медицинского толкования катарсиса момент достижения психотерапевтической разрядки наступает в предпоследнем стихотворении, которым, на мой взгляд, завершается цикл. Читатель именно здесь получает полную «разрядку» от цикла «Пятерица»:

...Моё сознание гласит:
не вдохновение родитель,
а трудолюбие, сожитель
души, которая кипит.

Которая, не веря в смерть,
осознаёт вполне логично,
что к смерти жизни круговерть
без исключения вторична... (С.88)

Остаётся открытым вопрос о том, почему столь строгий к себе автор оставляет открытым цикл и даёт в конце сборника стихотворение «Плач» (по мотивам народной песни):

Ах вы, девушки, соль огорчения,
вы подружки мои, вы лебёдушки,
ну, зачем же вы в нежной заботушке
поснимали с меня облачения?

Чем сегодня я вам приглянулась?
Ведь была весела я, нарядна,
а теперь смущена, неприглядна
и к росистой траве принагнулася.

Все наряды мои вышивные
да подарками пообернулись,
все листочки мои кружевные
да завяли уже, да свернулись.

Вы голубки мои, вы молодушки,
поспешите же к речке-ворожке,
уж вы ручки мои, уж вы ножки
киньте-бросьте в бурление водушки.

Пожелайте веселья берёзоньке,
пожалейте её, несчастливицу,
и поплачьте над нею внадрывицу,
проливая солёные слёзоньки. (С.89)

Первое и самое простое объяснение – незавершённость полного цикла, состоящего из двенадцати, не пяти подциклов, входящих в сборник «Пятерица»; и второе – это усиление «мифологизма» (как элемент катарсизма): «Настоящий поэт должен творить мифы, а не рассуждения» (Сократ).

Таким образом, «Пятерица» – тщательно композиционно продуманный сборник, в котором собраны лучшие стихотворения из пяти предшествующих циклических книг, каждая из которых вмещает в себя цикл стихотворений того или иного месяца года: «Високосный февраль» - 1991, «Мартослов» - 1993, «Капризная акварель» - 1993, «Май-помазанец» - 1994, «Июнь» - 1998.

Позволю себе свою цитату из предисловия к исследуемому сборнику: «... календарь поэта должен нести в себе неуловимые нити его тонкой души, отражать, как в зеркале, те настроения, которым, прежде всего автор, а уж потом и ряд ценителей его таланта подвергаются в тот либо иной период жизни». (С.6)

Катарсические мотивы сборника «Пятерица»

«Пятерица» включает в себя пять циклов. Каждый цикл состоит из десяти стихотворений. Свидетельством тщательного отбора стихотворений

являются даты: поэтические тексты были написаны в разное время и охватывают период с 1977 по 1995 гг. включительно. Элемент работы над стихами отмечен двойными датами («Ты не решишься, хоть – беда... 12.08.1977 – 25.03.1933, стр.63). Каждый из циклов составлен по катарсическому принципу и несёт в себе элементы трёх видов катарсиса: рационалистического, этического и медицинского. Главная задача последнего – медицинского катарсиса – исцеление от недуга, прежде всего, – внутреннего, ведущего к гармоничному согласию души и тела. Для сохранения внутренней связи между циклами «Пятерицы» А. Раткевич умышленно оставляет каждый цикл как бы открытым, то есть не даёт прочувствовать полного освобождения от несколько давящего психознергетического аффекта. При этом момент самоисцеления наблюдается последовательно от цикла к циклу, но истинное выздоровление ещё достаточно далеко. Возможно, оно наступит в планируемом двенадцатом цикле, и будет являть собой образец идеально точного медицинского катарсиса. В данном случае в роли «исцеления» выступает эффект «залечивания» или ремиссия, что на медицинском языке трактуется как «замирание» заболевания на неопределённый по времени срок.

...и думай сладко
что я живу легко и гладко –
всё хорошо со стороны. (С.87)

Этой строкой автор подводит итог не только цикла. Вывод, подобный данному (пусть истина проста), способен сделать лишь человек, выстрадавший свой «покой», он открывает себя для себя, а уж потом его понимают или пытаются понять читатели. Вышеупомянутая строка несёт основную смысловую нагрузку, содержит элемент главного «разрешающего» действия и побуждает читателя задуматься над тем, что кроется за внешним спокойствием.

Ключевые строки других стихотворений А. Раткевича, использованные в качестве связующих звеньев между циклами, лишь частично являются проявлениями медицинского катарсиса (но уже не этического), а потому – не могут производить эффект максимально разрешающего действия и располагаться в конце общего цикла. Приведённые ниже последние строки лишь передают общее настроение от цикла к циклу:

...разве любишь ты меня... («Високосный февраль». С.22)
...ведь ты не скажешь мне: виновница?... («Мартослов». С.38)
...думаешь, я не права?... («Капризная акварель». С.56)
...Хватало времени, а жи(знь)
была намедни. («Май-помазанец». С.72)

Каждый цикл «Пятерицы» – «Високосный февраль», «Мартослов», «Капризная акварель», «Май-помазанец», «Июнь» –

имеет сходную комбинацию. Рассмотрим, например, композиционные особенности цикла «Капризная акварель», которому отведено особое место в сборнике. Занимая центр и являясь «циклом в цикле», «Капризная акварель» сконцентрировала в себе основную смысловую нагрузку ярко выраженных творческих исканий автора. Цикл полон экспрессивных выводов: «и молодость уже внушает: пошлости не любы» (С.41), «скрывалась мысль, как в ножнах трепетный кинжал», «но я беспомощен – мысль вынута из ножен» (С.43), «Бурна Двина, когда снега в опале... Лиха Двина: в лавинном половодье... Вольна Двина... мой век – всего цитата...» (С.44), «Я снова проклят временем... Проклятье панихидою смеётся над стихом» (С.47). Приведённые выше цитаты отражают процесс подавления страсти интеллектом, дают возможность проследить в развитии процесс «очищения» души и, следовательно, являются примером рационалистического катарсиса.

Логическую цепочку катарсиса, в его положительном развитии, продолжает стихотворение «Межень». Являясь примером этического катарсиса, как уже писалось выше, с позиции построения сборника, данное стихотворение не имеет права занять место в начале либо конце книги, хотя бы потому, что само название символично: межа, межень – граница, разделяющая линию внутреннего движения души на две части. Стихотворение «Межень» ещё не несёт в себе элементов положительного воздействия, а лишь учит сострадать, точнее, «воспитывает способность к состраданию». Следовательно, практически всё, что очищает душу от страстей под влиянием интеллекта (рационалистический катарсис) располагается прежде стихотворения «Межень», а всё то, что с каждой строчкой будет приближать читателя к «разрешению» внутренних противоречий автора (не умом, но сердцем) – после этого стихотворения (и в рамках цикла «Капризная акварель» и «Пятерицы» в целом).

Муза «...учила... каждый крик
переиначивать сурово...» (С.48)

В приведённой строке прослеживается момент рождения поэта, а уж потом:

Я помню вздрог, который губы
мои неимоверно сжал...
...и музу в сумерках грядущих...
...испуг в её глазах цветущих
и состраданье на лице. (С.49)

Тем самым автор говорит о том, что поэтом мало родиться. Муза сама выбирает свою «жертву», ведёт её через тернии и, возможно, забирает к звёздам. Не случайно следующее стихотворение цикла называется «Раздвоение»:

Есть раздвоение в прекрасном,
но есть и скрытая зола. (С.50)

Стихотворение в целом и приведённая строка дают мне право сделать следующий вывод: вторая половина исследуемого цикла более рассудочна, нежели первая (то же можно найти и в других циклах), но элементы психотерапии выражены ярче и передаются через полузабытьё или частичное безразличие (не равнодушие!) автора. Небрежное отношение к проблемам бытия автор с некоторым вызовом передаёт путём смешения поэтической речи с разговорной: «нету», «трафарету», оксюморон «искристые слизи» и др.

В этом же цикле находим стихотворение «Фигоносцы» – один из немногих злых вызовов худшей части общества:

Наконец-то они появились, новейшие люди,
для которых мудрейшие мысли –
как зельц на блюде... (С.53)

Завершает цикл стихотворение «Прошлогодняя трава». Оно несколько ретуширует экспрессивное настроение, но не делает глобальных выводов:

...и под окнами сгорала
безобидно, без аврала,
как гнилое одеяло,
прошлогодняя трава...
Думаешь, я не права? (С.55)

Эти строки приобретают частично «разрешающее» действие за счёт философского подтекста, который ненавязчиво, но глобально подан в рассуждении автора о прошлогодней траве. Сама по себе метафора «прошлогодняя трава» (как прошлогодний снег) смещает настоящее в сторону прошлого. А. Раткевич использует этот приём, скорее всего, для того, чтобы с позиции магии слова (что сказано – сделано) «без аврала», «безобидно» избавиться от «гнилого одеяла», чтобы дать возможность прорасти новым чувствам, идеям, а возможно, – образу жизни. Вопрос от имени травы, посредством одушевления, задаётся автором самому себе, чтобы ещё раз переосмыслить определённый этап жизненного пути. Таким образом, композиция рассмотренного цикла свидетельствует о тематически точном расчёте при его построении (точно так же, как и при построении других циклов) по принципу от рационалистического к эпическому, от эпического к медицинскому катарсису, где медицинский выражен слабее из-за желания автора не нарушать общей связи внутри большого цикла – «Пятерицы». Выражение «медицинский катарсис», следует, вероятно, в известной степени условно, так как предполагается очищение, выздоровление не только чисто физическое, но и духовное.

Композиционные особенности отдельных стихотворений

А. Раткевичу свойственно пользоваться пятью основными стихотворными размерами с элементами утяжеления, либо облегчения строки. «У Пушкина учусь и сейчас...», – сообщает автор в автобиографическом послесловии. Возможно, этими словами объясняется его любовь к катрену и точности рифмы.

Нельзя назвать в целом принцип катарсического развития действия (выражения поэтической мысли) особенностью композиции, но можно узреть чёткую связь между принципами построения античной трагедии и стихами А. Раткевича. Переосмысляя высказывания Аристотеля применительно к поэзии (в данном случае к поэзии А. Раткевича), можно сказать, что стихотворение есть отображение чувства (действия) важного и законченного, реализованное путём сострадания и жажды очищения. Данное определение, на мой взгляд, достаточно точно позволит понимать поэзию в рамках литературного направления катарсизм.

Любое законченное литературное произведение логически можно разделить на три основные части: 1) завязка, 2) кульминация, 1) вывод (эпилог). Само же действие, в отличие от действия (например) трагедии, происходит преимущественно в душе автора, ибо стих есть сгусток мысли, а не отдельно сказанная актёром фраза. С позиции катарсиса: завязка является реализацией рационалистического, кульминация – этического, вывод (вопрос) – медицинского катарсиса.

Следует, обратить внимание на стихотворение «Децима любви» (Децима – десятистрочная строфа хореического размера с определённым расположением рифм – аббааввггв):

Плеч движение кошачье,
чуть заметный штрих рукой
в миг улыбки над строкой;
у причёски зло ребячье –
растревожило *лежащее*
мнение, что семена –
или мышья западня? –
вдруг рассыпалось, как порох,
на твоих лукавых взорах:
разве любишь ты меня... (С.22)

Из-за сложной композиции данного стихотворения границы между частями означаются лишь смысловым делением.

Стихотворение «Межень» имеет чёткое трёхчастное деление, как с позиции катарсиса, так и композиционно:

Я помню музу с малолетства,

когда она, смеясь, меня
без фамильярного кокетства,
без вдохновенного огня
учила вдумываться в слово,
держат перо и каждый крик
переиначивать сурово
и осторожно в тот же миг.

Я помню: августовским летом,
когда рекой владел межень,
когда мне был ещё неведом
метафорический кремень,
она меня взяла на руки
и в реку бросила: «Плыви
сквозь поэтические муки,
сквозь муки бранные любви».

Я помню вздрог, который губы
мои неимоверно сжал,
и плоть воды нежнее шубы,
и брызг безумствующий шквал,
и музу в сумерках грядущих,
и, как в светящемся венце,
испуг в её глазах цветущих.
и состраданье на лице. (С.48-49)

Языковое своеобразие поэзии А.Раткевича (авторский стиль) классифицируется в рамках катарсизма, элементы которого основаны на базе существующих поэтических тропов, а также – на активном словотворчестве в рамках традиций национального поэтического языка. Жанр лирики наиболее сложен в плане классификации. Это связано с использованием большего (в сравнении с остальными) количества изобразительно-выразительных средств в относительно малых произведениях (стихи). Одним из главных элементов вышеупомянутого литературного направления автор выделяет трагедизацию этоса (характер произведения), проявление которого осуществляется в усилении психологизма, философизма и мифологизма. Например, стихотворение «Пророк»:

...Пустыню проклял я спокойно,
в душе пустыню восхвалив,
песок и холодно и знойно
засыпал глаз моих разлив.

...когда однажды мне приснился
во мне беснующийся раб.

...швыряю богу, как плевок:
"Я веру продал со стихами –
скажи, так разве я пророк?" (С.36-37)

Таким же экспрессивным выступает уже известное стихотворение «Межень», где высший уровень экспрессии достигается за счёт литоты, если можно подвести под её рамки принижённое значение высоко-идеального, выведенного на «панибратский» уровень, где «бог», «муза» выступают в роли живых существ, при этом сохраняя своё первоначальное значение:

муза... ушла... («Межень»)
швыряю богу... («Пророк»)

В большинстве случаев А. Раткевич избавляет свои стихи от пустых рассуждений (вспомним мысль Сократа: «Настоящий поэт должен творить мифы, а не рассуждения»). Применительно к поэзии А. Раткевича термин «миф» следует понимать образно. В «Пятерице» нет мифов в чистом виде. Поэтому следует говорить о мифологическом, которое включает в себя элементы нравственности, религии, искусства, а также отражает стихийное осознание естественной органической связи между человеком и природой, духом и материей, «первое выражение осознания человеком причинной связи между явлениями» («Краткий словарь по эстетике». Под ред. М.Ф.Овсянникова. М., 1983). По жанровым особенностям можно говорить о нескольких типах стихотворений, представленных в сборнике «Пятерица». Элементы мифологического, философского и психологического служат важнейшими композиционно связующими компонентами как отдельных стихотворений, так и сборника в целом. Наиболее ярко это проявляется в стихотворениях, представляющих философские рассуждения и обобщения.

Бурна Двина, когда снега в опале...
...И будто берег рушится потоком,
и размываются былинные строенья,
и нету ни защиты, ни спасенья,
от волн, мятущихся в пылу жестоком.

Лиха Двина. В лавинном половодье
мне слышатся исчезнувшие речи:
неужто вышли кривичи на вече
прославить князя и проклясть невзгодье.

И будто кони в беге полновластном
несут дружину в битву на поля;
как колокол колеблется земля,
вся в чёрном, белокипенном и красном.

Используя название реки – Двина как символ (река – жизнь, время...), сочетая его с краткой формой прилагательных (бурна – лиха – волна), А. Раткевич добивается не только катарсической гармонии (от рационалистического к медицинскому катарсису), – он «делает» его преимущественно философским, где движущая сила «Двина» способна разрушить «былинные строения»... К стихотворениям философской направленности можно отнести и «Раздвоение»:

...Моё рождение во мраке –
о смерти думать не пора.
Что между ними: жизнь во фраке
иль этой жизни мишура?

...Близка концовка этой жизни,
звезда безмерно далека,
и мысли – искристые слизи –
меж ними мечутся пока.

Не очистительно страданье,
не возвышающа любовь,
и раздвоенья изваянье
сознаньем управляет вновь.

...И было ли оно, рожденье,
когда в полуночной тиши
скрываю, как сердцебиенье,
трагичность собственной души? (С.50)

Оставив откровенные рассуждения о смысле жизни и признавшись в «сокрытии... трагичности собственной души», А. Раткевич в дальнейшем предпочитает избегать подобного рода откровений, присущих рационалистическому катарсису. Тем самым автор усложняет процесс чёткого деления своей лирики по жанровой принадлежности, а это в свою очередь объясняет практически полное отсутствие «чистых» философских или, например, сюжетных стихотворений. А. Раткевич даёт основание задуматься над положительным результатом жанрового симбиоза («сожителства»), который достигается либо путём равноценного смещения жанров, либо разбавлением, обогащением основного жанра, например, – сюжетного.

Стихотворение «Вчерашнее», если его лишить элементов символики и философии, достигнутых путём сравнений: «на постели, как на голгофе», «ладонь – неожиданный клапан», можно отнести к числу сюжетных. Однако каждая строка несёт в себе двойную нагрузку: а) прослеживает сюжетную линию, б) передаёт психоэмоциональное состояние:

Белая чашечка с чёрным кофе
будто вчерашняя распря – ныне.
Я на постели, как на голгофе,
и простыни белизна – под иней.

Было вчера – я любовью оплакан
или подушка от слёзности мокнет?
Встану: ладонь – неожиданный клапан –
резко от пара горячего вздрогнет. (С.12)

Наряду с ёмкими сравнениями автор умело использует символику цветообозначений «белое-чёрное» как доброе и злое – внутренняя борьба через обстановку раннего утра («кофе в постель»). Стихотворение «Вчерашнее» плавно сменяется стихотворением «Какое счастье обладать...» Автор даёт возможность читателю немного разгрузить, ослабить мыслительную деятельность:

Какое счастье обладать
твоей душистой походкой,
твоей настойчивостью кроткой
и сном твоим, когда опять
ушли в былое неудачи,
исчезли муки нелюбви
и несогласья визави,
отвергнув прихоти и плачи,
утихли; каждый день тогда
украшен маленькой утратой,
наполнен песенности мятой
и по устам, как череда
непреднамеренных обрядов,
скользит нектар покорных взглядов. (С.13)

Хотя, на первый взгляд, это стихотворение производит впечатление лёгкого, зарисовочного характера, оно не лишено глубокого смысла; за сравнением «душистая походка» кроется как минимум несколько смыслов, один из которых – «Аромат любимых женщин». Однако стихотворение переполнено внутренней, заведомо доброй энергией, оказывающей магическое воздействие. Далее, в стихотворении «Мороз унялся, люди вдруг...» ярко вырисовывается сюжетная линия, что даёт основание

причислить это стихотворение к ряду зарисовок:

Мороз унялся, люди вдруг
зашевелились по привычке,
усердно стягивая с рук
мешающие рукавички.

И только на твоих щеках
прозрачной нитью лёд искрится:
ты плачешь, словно второпях
любить не можешь научиться. (С.14)

Последние четыре строчки уже заставляют задуматься, тем самым подготавливают к следующему стихотворению с более сильным психологическим подтекстом – «пиковому» стихотворению цикла «Високосный февраль», который можно рассматривать как образец этического катарсиса:

Дочка слепую мать
молча ведёт, размеренно;
дочка сама, сказать,
в поступи не уверена.

Только сквозь тлен опаловый
нету им в мире большом
шага дороже малого,
пройденного вдвоём. (С.15)

Данный пример с одной стороны сюжетен, с другой – имеет сильнейший психологический подтекст. Употребляя все слова в прямых значениях, но лаконично, в строгой последовательности, автор добивается максимального эффекта воздействия на читателя. Само же стихотворение переполнено положительной энергией с позиции выражения нравственно-важной идеи. Исключением из написанного является употребление единственной образной метафоры «тлен опаловый», которая путём «разрешающего» (просветляющего) воздействия приближает стихотворение к числу образцовых с позиции «медицинского» катарсиса.

Стилистические особенности отдельных стихотворений

Художественное своеобразие поэтического языка А. Раткевича достигается путём «эмпатизации пафоса (души произведения)» посредством: а) поэтической пронзительности», б) «суггестизации» («пленительной неясности» душевного состояния в стихе). «Язык – первейшая, заветная забота поэта. Тайна могущества поэзии – в языке». «Кинжальность

поэтического языка» достигается: а) оригинальностью через тропизацию» (метафора, метонимия, синекдоха и т.д.), б) «активным словотворчеством на основе традиций национального поэтического языка», в) «возвратом к точной рифме с аллитерационно-ассонансным обогащением».

Как известно, для поэтической речи присуща бинарная метафора, способная объединить в генитивное сочетание имена сопоставляемых объектов (у А.Раткевича: «огня-сучья», «когтистых фраз» и др.) и это создаёт образную метафору. Благодаря образу, метафора связывает язык с мифом. Приведу примеры наиболее интересных метафор, сравнений и авторских неологизмов, применённых в сборнике «Пятерица»: «вчерашняя распря ныне», «Подушка от слёзности мокнет», «Душистой походкой», «Нектар... взглядов», «тлен опаловый», «солнца алмаз», «белоснежная пара» (мороз и зима), «мышья западня», «привкус несогласья», «всевластность щедрой ночи», «лилово-лунные лучи», «брёвен сизых гнилость», «битв кровавых чаепитье», «необузданно божествен», «лошадино-искристое ржанье», «звёзды как пороша», «сытыми глазами», «трепетный кинжал», «бисер люстр», «былинные строенья», «лавинном половодье», «скудость лунная», «страсть табунная», «искристые слизни», «мысли – как зельц на блюде», «холёную падаль», «лампадки века», «филигрань окраин», «молнии хлёт-ремень», «плод рассвета», «манящая суть», «полднёвные цветы», «чайный вечер», «лунных уст», «страсти нехоть», «вечный прах», «ночная ипостась», «не вызвездится ночь», «морщинистый надлом» (судьбы), «хрупкая хитринка», «самосжигающийся куст» (костра), «ладан тлена», «пламенная зудь» (бессмертья), «когтистых фраз», «хладнокровья поцелуя», в «оправе униженья», «росы осиротелой», «соль огорчения» и др.

Как свидетельствуют некоторые примеры стихотворных тропов – поэтический язык А. Раткевича не только богат, но и самобытен. Я не случайно привожу примеры наиболее ярких с позиции экспрессии метафор, сравнений и некоторых неологизмов автора. Благодаря именно этим литературным приёмам А. Раткевич добивается катарсического уровня психо-эмоционального воздействия на читателя.

Послесловие

Подводя итог сказанному и делая общий вывод, отдаю должное объёму работы, проделанной А. Раткевичем над составлением сборника (цикла) «Пятерица», где общую картину, как единое целое, представляет гармоничное сочетание композиционных и жанрово-тематических особенностей поэзии А. Раткевича. На пути к достижению конечной цели – развитие литературного направления катарсизм, автору путём «активного словотворчества» удалось выработать чёткий авторский стиль. Оставляя рифму «чистой», А. Раткевич обогащает её за счёт «аллитерационного ассонанса», что ведёт к точности выражения мысли и лёгкости восприятия (запоминания). «Кинжальность» поэтического языка

и строгая форма от стихотворения до цикла позволяет понять и проследить принципы применения и толкования катарсиса (в поэзии) в процессе полного развития от рационалистического (очищение души от страстей под влиянием интеллекта) до этического (воспитание способности к состраданию) и медицинского (достижение психотерапевтической разрядки). В рамках жанрово-тематического своеобразия ещё раз обращаю внимание на основное деление поэзии А. Раткевича на: сюжетную, философскую, стихотворения-зарисовки, а также умение использовать удачные комбинации философского с психологическим сюжетным, «зарисовочным», что даёт гармоничный синтез этического (хорошего и доброго) с эстетическим – прекрасным.

1996г.

г.Гомель